

Исследования об истории и государственном строе города Ольвии

УДК 304
ББК 60.5
И88

И88 Исследования об истории и государственном строе города Ольвии / – М.: Книга по Требованию, 2019. – 308 с.

ISBN 978-5-4241-8319-5

Журнал министерства просвещения. Шестое десятилетие. Часть 250. 1887. Январь

ISBN 978-5-4241-8319-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

На сколько сильно развито было мореплаваніе по Понту до перваго знакомства съ нимъ еллиновъ, кто первый изборозилъ его дѣвственныя, глубокія воды носомъ „чернобокаго“ корабля, — этого никто не можетъ сказать навѣрное. Лудвигъ Бюрхнеръ, въ самое недавнее время поставившій себѣ задачей пересмотрѣть свѣдѣнія о милетской колонизаціи на берегахъ Понта, основательно предполагаетъ, что жившія по его берегамъ варварскія племена по большей части только примѣромъ еллиновъ увлечены были къ мореплаванію⁴⁾. И онъ, и Реннель⁵⁾ указываютъ на тотъ важный фактъ, что цѣлый рядъ полуострововъ и мысовъ Понта только отъ еллиновъ получилъ наименованіе, и отсюда заключаютъ о крайне слабомъ развитіи мореплаванія въ Понтѣ до ознакомленія съ нимъ еллиновъ. У новыхъ изслѣдователей давно уже сдѣлалось общимъ мѣстомъ предположеніе, что финикіяне и карійцы были уже хорошо знакомы съ водами Понта прежде, чѣмъ появились въ нихъ еллинскіе паруса; но нужно сознаться, что это предположеніе, какъ бы оно ни казалось вѣроятнымъ а priori, сильно нуждается въ доказательствахъ. Бюрхнеръ, внимательно и трезво, безъ предвзятыхъ цѣлей и излишнихъ увлеченій изслѣдовавшій этотъ вопросъ, находитъ (стр. 31), что слѣды финикійскаго пребыванія на южныхъ берегахъ Понта совершенно ничтожны, на западныхъ — сказочны, а на восточныхъ и вовсе не встрѣчаются, такъ что вліяніе финикійцевъ на культуру припонтійскихъ странъ не могло быть ни интенсивно, ни продолжительно. Изслѣдованіе его относительно карійцевъ также дало почти отрицательные результаты, не смотря на то, что слѣды ихъ знакомства съ Понтомъ прямо указываются нѣкоторыми древними писателями. Какъ бы то ни было, если эти два народа и плавали по Понту раньше еллиновъ, то до насъ всетаки не дошло никакихъ результатовъ ихъ знакомства съ его водами, такъ что для насъ Понтъ Евксинскій, можно сказать, впервые былъ открытъ малоазійскими еллинами, главнымъ образомъ милетцами.

wissenschaft herausg. von R. Köhler, Berlin 1864, стр. 441—467). *L. Bürchner*, Die Besiedelung der Küsten d. Pontos Euxeinus durch die Milesier, I Teil (Kempten 1885) и пр. Чтобы не расширять нашего введенія до слишкомъ значительныхъ разиѣровъ, мы позволили себѣ не касаться въ немъ физической географіи сѣвернаго побережья Понта, тѣмъ болѣе, что для ознакомленія съ нею первая часть труда *Неймана* (стр. 1—199) представляетъ удобное пособіе. Ср. также *G. Mair*, Das Land der Skythen bei Herodot. Saaz 1884.

⁴⁾ Уп. соч. стр. 38.

⁵⁾ *Renell* A compar. geography of Western. Asia II, 138 (цит. по Бюрхнеру).

Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробности о причинахъ, способствовавшихъ болѣе раннему и всестороннему развитію малоазійскихъ еллиновъ сравнительно съ европейскими ихъ братьями, развитію, однимъ изъ послѣдствій котораго было и болѣе раннее ознакомленіе ихъ съ водами, находившимися къ сѣверу отъ роднаго имъ Эгейскаго моря. Въ самомъ дѣлѣ, на своей новой родинѣ они неминуемо должны были вступить въ тѣсныя, даже родственныя *) связи съ народами, которые въ тѣ времена были самыми опытными и могущественными на морѣ,—финикіянами и карійцами, и отъ нихъ пріобрѣсти богатый запасъ географическихъ познаній. Вотъ что говоритъ объ этомъ Нейманъ, къ сожалѣнію слишкомъ увлекавшійся гипотезою объ отличномъ знакомствѣ карійцевъ съ Чернымъ моремъ: „Было бы чудомъ, если бы іонійскіе греки не пріобрѣли географическихъ познаній тотчасъ по своемъ переселеніи; если бы они отъ карійцевъ, переплывавшихъ Понтъ Евксинскій на всемъ его протяженіи, не получили тотчасъ свѣдѣній объ этомъ морѣ. На всемъ свѣтѣ навѣрное не было тогда мѣста, гдѣ бы легче можно было получить свѣдѣнія объ отдаленныхъ странахъ; здѣсь жили кровные родственники тѣхъ людей, которые проходили чрезъ Сирійскія пустыни и на дальнемъ западѣ основали Утику и Гадесъ; здѣсь была родина страшныхъ морскихъ разбойниковъ, которые разбѣзжали за добычей по всѣмъ сѣвернымъ водамъ до Азовскаго моря включительно; здѣсь находилось поселеніе того народа, родиной котораго въ собственномъ смыслѣ считалась морская волна и отъ извѣстной опытности котораго въ морскомъ дѣлѣ получила начало пословица „критянинъ не знаетъ моря“, употреблявшаяся для обозначенія невѣроятнаго притворства. Таковы были счастливые элементы, съ которыми встрѣтились іонійцы на этомъ берегу; то, что ихъ ограниченному кругозору прежде казалось далекимъ, исчезало, какъ дѣтская мечта, предъ безконечно расширившимся горизонтомъ, который открывался здѣсь ихъ духовному оку; здѣсь только міръ самъ по себѣ показался имъ великимъ и достойнымъ изученія. Безъ сомнѣнія, не случай, но естественное и неизбежное дѣйствіе этого столкновенія повело къ тому, что именно здѣсь, а не гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, развились первые зародыши географической науки: въ Елладѣ Талесы, Анаксимандры, Анаксимены, Діонисіи, Кадмы и Екатѣи пропали бы; въ Милетѣ же ихъ умъ и сердце нашли уже приготовленною руками благоприятной судьбы ту пищу, которая

*) Извѣстенъ рассказъ Иродота (I, 146) о женитбѣ милетцевъ на карійцахъ.

даровала имъ безсмертіе, какъ родоначальникамъ одной изъ самыхъ благородныхъ наукъ⁷⁾.

При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ было совершенно естественно, что малоазіятскіе еллины уже въ очень раннія времена перестали ограничиваться узкими предѣлами Эгейскаго моря и, одушевленные молодою энергіею и бодримъ духомъ предприимчивости, стали постепенно расширять районы своихъ плананій на сѣверъ и западъ, а за ними въ слѣдъ пошли и европейскіе ихъ родичи. Если даже оставить въ сторонѣ мифъ о походѣ Аргонавтовъ, то всетаки уже въ Омировскихъ поэмахъ найдемъ мы слѣды знакомства еллиновъ съ сѣверными водами и странами. Нѣкоторые изслѣдователи (Дюбуа де Монперѣ, Нейманъ, Бэръ и др.), какъ извѣстно, увлекались даже на столько, что искали на Черномъ морѣ многія мѣстности, упоминаемыя въ Одиссеѣ. „Мы видимъ, говоритъ Нейманъ, что эпизоды о Лэстригонахъ, Киркѣ, странѣ киммерійцевъ, съ открывающимся тамъ входомъ въ подземное царство, переплетаются съ мѣстными описаніями, которыя повидимому были набросаны съ натуры на понтійскихъ берегахъ и только поэтически перенесены въ другія отдаленныя страны“⁸⁾. Даже не раздѣляя этого увлеченія, всетаки въ Омировыхъ „донтеляхъ кобылицъ, млекоѣдахъ“⁹⁾ нельзя не признать скинскихъ племенъ, кочевавшихъ въ степяхъ нынѣшней южной Россіи. Исіодъ уже прямо называетъ этихъ „донтелей кобылицъ“ скинами, а „млекоѣдовъ“ — кочевымъ народомъ, имѣющимъ жилища на телегахъ¹⁰⁾; онъ же первый, говорятъ¹¹⁾, рассказывалъ басню о грифахъ, а о походѣ Аргонавтовъ сообщилъ уже гораздо больше подробностей, нежели Омировскія поэмы¹²⁾.

Но всетаки у Омира и Исіода мы видимъ лишь слабые слѣды

⁷⁾ Нейманъ, ук. соч. стр. 342 сл.

⁸⁾ Ук. соч. стр. 344. Съ воззрѣніями Дюбуа и его послѣдователей отчасти соглашается и *E. Bonnell*, Beiträge zur Alterthumskunde Russlands т. I (Спб. 1882) стр. 3 сл.

⁹⁾ Ил. XIII. 5 сл. Ζεὺς... αὐτὸς δὲ πάλιν τρέπει ὄσσε φαεινῶ,
νέσφι ἐφ' ἰκποπόλων Ἑρηκῶν καθορώμενος αἶαν
Μουσῶν τ' ἄγχεμάχων καὶ ἀγαυῶν Ἰκπημολγῶν
γλακτοφάγων, Ἀβίων τε, δικαιοτάτων ἀνθρώπων.

¹⁰⁾ Hesiodi carm. ed. *Göttling-Flach* fr. CLXXIX, СХС (Стрив. VII p. 300 n. 302).

¹¹⁾ Слос. Эск. Пром. 793 (Hes. carm. fr. СХСІ).

¹²⁾ О свидѣтельствахъ Омировскихъ поэмъ и Исіода о сѣверныхъ странахъ и народахъ ср. вообще *Bonnell*'я Beitr. ук. и.

первоначальнаго знакомства еллиновъ съ сѣверными странами. Дальнѣйшее его расширеніе составляетъ главнымъ образомъ заслугу милетцевъ, которые, благодаря вышеуказаннымъ счастливымъ обстоятельствамъ, познакомились съ Понтомъ столь хорошо, что уже съ начала VIII в. до Р. Хр. стали основывать тамъ прочныя поселенія, которыя, быстро увеличиваясь въ числѣ и по большей части разцвѣтая пышнымъ цвѣтомъ, ввели Понтъ Евксинскій въ районъ обычныхъ морскихъ сношеній еллиновъ и изъ „негостепріимнаго“ сдѣлали „гостепріимнымъ“.

Является естественный вопросъ: въ чемъ же состояла та сила, которая привлекала еллиновъ въ эти мрачныя воды и заставляла изъ-подъ голубаго неба ихъ благословенной родины переселиться на туманныя, суровыя побережья Понта? Отвѣтъ коротокъ и ясенъ: корысть. Да, это была все та же сила, одинаково могущественная и въ древнія и въ новыя времена, крайне не симпатичная сама по себѣ, но сослужившая человѣчеству великія службы, послужившая причиною множества великихъ изобрѣтеній и открытій! Спѣшимъ впрочемъ оговориться: еллины во всей своей торговой и колонизаторской дѣятельности, на сколько мы ее знаемъ, никогда не гнались исключительно за прибылью, они повсюду несли съ собою духъ пытливаго изслѣдованія, горячую жажду знанія и кипучей созидающей дѣятельности; они всюду разсѣвали зерна еллинской культуры, иногда пышно развивавшіяся на непочатой почвѣ и приносявшія богатые плоды, однимъ словомъ—были истинными миссіонерами гуманности. Но все-таки торговые интересы были главною приманкою, увлекавшею ихъ къ опаснымъ путешествіямъ въ отдаленныя моря и страны, въ томъ числѣ и въ Понтъ.

У древнихъ писателей встрѣчается не мало указаній на важное коммерческое значеніе Понта и прилежащихъ къ нему странъ въ древности. Поливій ¹²⁾, указывая на чрезвычайно выгодное положеніе Византіи при входѣ въ Понтъ, говоритъ, что Понтъ доставляетъ много предметовъ, полезныхъ для жизни; для первыхъ потребностей жизни служатъ скоть и рабы, вывозимые оттуда въ огромномъ количествѣ и превосходнаго качества, а изъ предметовъ, нужныхъ для благосостоянія, припонтійскія страны доставляютъ въ изобиліи медь, воскъ и соленую рыбу. Наоборотъ, изъ продуктовъ, изобилующихъ въ южныхъ странахъ, въ Понтъ идетъ масло и всякаго рода вино; хлѣ-

¹²⁾ Ист. IV, 38 (изд. Hultsch).

бомъ припонтійскія страны, такъ сказать, обмѣниваются съ южными, то доставляя его на югъ въ случаѣ урожая, то получая. Полній указываетъ дѣйствительно важнѣйшіе предметы торговли еллиновъ съ припонтійскими странами, но далеко не всѣ; можно назвать еще нѣсколько предметовъ вывоза, которые были не менѣе важны и прибыльны для торговли, какъ, напримѣръ, строевой лѣсъ, которымъ справедливо славилась припонтійскія страны, далѣе мѣха и шкуры, шерсть, льняныя и пеньковыя ткани, металлы и минералы изъ юго-восточнаго угла Понта, и мн. др., а изъ предметовъ ввоза — шерстяныя ткани, изящная глиняная посуда и др. предметы роскоши.

Скотъ вывозился, конечно, главнымъ образомъ съ сѣверныхъ побережьевъ Понта, занятыхъ кочевыми, по преимуществу скинскими, племенами, хотя онъ могъ также служить предметомъ вывоза съ южныхъ береговъ Понта и изъ внутреннихъ областей Малой Азіи чрезъ Сиполу¹⁴⁾. Рабы, безъ которыхъ въ Елладѣ и Римѣ не обходилось ни одно, даже самое бѣдное хозяйство, которыхъ во множествѣ держали и государства для исполненія низшихъ служебныхъ обязанностей вывозились главнымъ образомъ изъ Фракіи, въ древнія времена обладавшей очень густымъ населеніемъ¹⁵⁾, далѣе изъ Скиѳіи и изъ Малой Азіи; изъ послѣдней преимущественно въ позднія времена въ Римъ. Не будемъ приводить свидѣтельствъ въ подтвержденіе всѣмъ извѣстныхъ фактовъ, замѣтимъ только, что названія жителей припонтійскихъ странъ (Θραξ, Davus, Geta, Sygus и др.) являются самыми обычными рабскими кличками какъ въ Елладѣ, такъ и у римлянъ. Медъ и воскъ доставлялись преимущественно также изъ верхней Фракіи и Скиѳіи; объ этихъ странахъ ходили у еллиновъ разныя сказки, указывающія на чрезвычайное изобиліе тамъ пчелъ. Продотъ приводитъ рассказъ фракійцевъ, что земля по ту сторону Истра такъ заплонена пчелами, что чрезъ нее нельзя пройти далѣе¹⁶⁾; по словамъ Павсанія, въ землѣ алазоновъ самые лучшіе луга для пчелъ, которыя тамъ даже не содержатся въ ульяхъ, а свободно слѣдуютъ за людьми отъ одного пастбища къ другому¹⁷⁾. Ловля рыбы и заготовленіе ея въ прокъ разными способами, въ особенности же посредствомъ соленія, составляли одинъ изъ прибыльнѣйшихъ промысловъ большинства припонтійскихъ городовъ. Черное море и виа-

¹⁴⁾ Ср. *Ирод.* V, 49. *Страб.* XII р. 546 сл.

¹⁵⁾ *Ирод.* V, 3.

¹⁶⁾ *Ирод.* V, 10.

¹⁷⁾ *Павс.* I, 32, 1.

дающія въ него съ сѣвера и запада многоводныя рѣки, какъ извѣстно изобиловали рыбою, которая находила тамъ богатую пищу, болѣе прѣсную воду, удобныя мѣста для метанія икры и полную безопасность отъ прожорливыхъ морскихъ животныхъ ¹⁸⁾. Нѣкоторыя породы понтійскихъ рыбъ пользовались славой во всѣ древнія времена и составляли украшеніе самаго изысканнаго стола, между тѣмъ какъ простая соленая рыба составляла чуть ли не ежедневное меню бѣдняка. Особенно тунцы и пеламнды, по справедливому замѣчанію Преллера, имѣли такое же значеніе для греческихъ морскихъ и торговыхъ государствъ, какое сельди для Голландіи въ лучшія ея времена. Для припонтійскихъ городовъ заготовленіе въ прокъ богатой добычи, которую доставляли имъ морскія и рѣчныя воды, было тѣмъ удобнѣе и дешевле, что у устьевъ рѣкъ нерѣдко встрѣчались осадки морской соли, которая и сама по себѣ составляла для нихъ довольно доходную статью ¹⁹⁾. Извѣстіе Полинія о томъ, что хлѣбъ служилъ то предметомъ ввоза въ припонтійскія гавани, то вывозился изъ нихъ, кажется Преллеру страннымъ при сравненіи съ извѣстіями другихъ писателей о чрезвычайномъ плодородіи, которымъ отличались тогдашнія нивы Крыма, особенно на пространствахъ между Θεοδοσίєю и Παντικαπέμъ. Преллеръ приводитъ свидѣтельство Стравона (VII р. 311), что тамошняя плодородная почва, будучи взрыта первымъ попавшимся плугомъ, приноситъ самъ-тридцать, такъ что жители Воспора, вмѣстѣ съ сосѣднимъ азіятскимъ побережьемъ, платили Миеридату VI дань въ 180,000 медимновъ хлѣба и 200 тал. золота, а раньше эта мѣстность служила настоящею житницею для Еллады; Левконъ Воспорскій, наприимѣръ, послалъ аоніанамъ изъ Θεοδοσίи 2,100,000 медимновъ. Можно было бы, конечно, указать и у другихъ писателей, начиная съ Иродота ²⁰⁾, а также и въ эпиграфическихъ памятникахъ ²¹⁾, свидѣ-

¹⁸⁾ Ср. *Пол.* IV, 42. *Арр.* Пер. р. 49. Данныя, относящіяся къ рыбному промыслу на Черномъ морѣ въ древности, собраны знаменитымъ въ свое время Петербургскимъ академикомъ Кёлеромъ (Н. К. Е. Köhler) въ извѣстномъ трудѣ: *Táptxoc ou recherches sur l'histoire et sur les antiquités des pêcheries de la Russie méridionale* (Nouvelux mém. de l'Acad. Imp. de St.-Petersbourg, 6-ème série v. 1 стр. 347 сл., 1832 г.). Ср. *Vonnell Beiträge* т. I стр. 98.

¹⁹⁾ О соленыхъ осадкахъ въ Днѣпровско-Бугскомъ лиманѣ ср. *Ирод.* IV, 53 и *Діона Хрисостома* Борнсеенскую рѣчь (ог. XXXVI) въ началѣ (см. ниже § 4 пр. 9).

²⁰⁾ *Ирод.* IV, 17, 18, 53 и др.

²¹⁾ Ср. напр. *Rhein. Mus.* XXXIII стр. 418 сл. = *Dittenberger Syll. inser. Gr.* № 101; *C. I. Att.* II, № 311 = *Dittenberger Syll.* № 140; *Mitth. d. D. Inst.* VIII стр. 211 сл. и др.

тельства о широкомъ развитіи хлѣбнншества на сѣверномъ побережьи Понта; но при этомъ не нужно забывать, что Поливій говорилъ вообще о понтійской торговлѣ, а не только о торговлѣ сѣвернаго побережья, и что если послѣднее не нуждалось въ привозномъ хлѣбѣ, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что на столько же богаты были хлѣбомъ и другія побережныя страны. Горныя побережья восточное и южное, безъ сомнѣнія, пользовались привознымъ хлѣбомъ, и очень можетъ быть, что именно ихъ и разумѣлъ Поливій. Затѣмъ можно припомнить не допускающее возраженій свидѣтельство Протогеновской надписи²²⁾, что и сѣверное побережье Понта могло сильно страдать отъ неурожаевъ въ смутныя времена, когда земледѣльцы или совсѣмъ не могли засѣвать своихъ полей изъ боязни вражескихъ нападений, или враги опустошали ихъ посѣвы и тѣмъ дѣлали бесплодными ихъ труды.—Кромѣ упомянутыхъ Поливіемъ предметовъ вывоза были, какъ мы уже замѣтили, и другіе, не менѣе важныя.

Изъ предметовъ ввоза Поливіемъ названы, какъ главныя, вино и масло. Вино доставлялось главнымъ образомъ съ острововъ Хіоса, Оаса и Рода, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ, кромѣ писателей, во множествѣ находимыя въ развалинахъ городовъ сѣвернаго побережья ручки амфоръ Оасійскаго и Родійскаго происхожденія²³⁾. Масличное дерево воздѣлывалось, правда, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ малоазіатскаго берега, но добываемое тамъ количество масла никоимъ образомъ не могло удовлетворять потребностямъ всѣхъ припонтійскихъ странъ²⁴⁾. Наконецъ можно упомянуть объ изящной, разукрашенной разными рисунками глиняной посудѣ, которая изъ Аоніи, Коринѳа, Эгины и другихъ мѣстъ ея производства въ огромномъ количествѣ вывозилась въ разныя страны, въ томъ числѣ и въ припонтійскіе города, въ развалинахъ которыхъ встрѣчается множество цѣльныхъ сосудовъ и черепковъ несомнѣнно не туземнаго приготовленія. Различныя произведенія искусства, предметы роскоши, дорогія без-

²²⁾ *Inscr. otae zert. P. Euz.* т. I № 16, см. ниже гл. 3.

²³⁾ Амфорныя ручки и черепицы съ надписями, находимыя въ развалинахъ Ольвии, Пантнканея и др. городовъ, составляли предметъ специальныхъ исследований покойнаго П. Беккера. См. его статьи въ *Mélanges Gréco-Rom.* т. I стр. 416 сл., *Зап. Одесскаго Общ. ист. и древностей* т. V стр. 18 сл. (= *Jahrbücher für kl. Philol. Suppl.-Band IV* стр. 453 сл.), т. VII стр. 3 сл. (= *Jahrb. Suppl. Bd. V* стр. 447 сл.), т. XI стр. 13 сл.—Ручки, находимыя въ Керчи, издавалъ также академикъ Л. Э. Стефанъ почти въ каждомъ отчетѣ Императорской Археологической Комиссіи.

²⁴⁾ *Отраг.* XII р. 546.

дѣлушки и т. п. также должны были составлять немаловажную и прибыльную отрасль привозной торговли.

Таково было, въ краткихъ чертахъ, торговое значеніе Чернаго моря въ древности. Выгоды, доставляемія торговыми путешествіями въ эти воды, безъ сомнѣнія должны были быть очень значительны, если перевѣсили страхъ передъ опасностями, которыми грозило морякамъ это „негостепріимное“ море, заставили еллиновъ ввести его въ районъ своихъ обычныхъ торговыхъ сношеній и даже довели тысячи ихъ до рѣшимости промѣнять цвѣтущіе берега благословенной Іоніи на суровыя, туманныя побережья Понта.

§ 2. Еллинская колонизація на побережьяхъ Чернаго моря.

Колонизаціонная дѣятельность на побережьяхъ Евксинскаго Понта принадлежитъ главнымъ образомъ двумъ государствамъ, изъ коихъ одно было европейское, другое — малоазіатское, — именно Мегарамъ и Милету. Мегаряне еще въ первой половинѣ VII вѣка до Р. Хр. овладѣли двумя въ высшей степени удобными пунктами при устьѣ Понта — Халкидономъ и Византіею ¹⁾, и на южномъ берегу Понта, въ землѣ маріандиновъ, основали Ираклію, одинъ изъ самыхъ цвѣтущихъ и могущественныхъ городовъ на всемъ этомъ побережьи, въ свою очередь ставшій митрополіею нѣсколькихъ значительныхъ колоній, каковы Херсонисъ Таврической, Каллатія и Амастрія. Однако, колоніи Милета далеко превышали мегарскія и числомъ и значеніемъ. Извѣстно, что древніе приписывали этому городу основаніе 80-ти колоній ²⁾; Стравонъ говоритъ, что многочисленны дѣянія этого города и чрезвычайно велико число его колоній, ибо ими заселенъ весь Евксинскій Понтъ,

¹⁾ По словамъ Поливія (IV, 38) Византіицы, благодаря удобствамъ своего положенія, держали въ своихъ рукахъ всю понтійскую торговлю.

²⁾ *Плмн. N. hist. V, 31, § 112* (по нѣкоторымъ рукописямъ даже 90). *Самкс* (*Consol. ad Helviam* с. 6) даетъ 75 колоній. Интересно самовосхваленіе милетцевъ въ одной повдней (195 г. по Р. Хр.) надписи, *O. I. Gr. II № 2878*: [Τῆς πρ]ώτης [τ]ῆς Ἴων[ίας φ]ηρισμένης καὶ μητροπόλεως πολλῶν καὶ μεγάλων πόλεων ἐν τε τῇ Πόντῳ καὶ τῇ Αἰγύπτῳ καὶ πολλῶν τῆς οἰκουμένης Μιλησίων πόλεως ἢ βουλῆ καὶ ὁ δῆμος κτλ. Недурную для своего времени попытку перечисленія милетскихъ колоній представляетъ *Fr. Eb. Rambach De Mileto ejusque coloniis* (*Halles Sax. 1790*). *Бюркмеръ* въ указ. соч. также поставилъ себѣ задачей прослѣдить вѣратцѣ исторію милетскихъ колоній въ Понтѣ, но исполнилъ ли удачно справить онъ съ своею задачею, это покажетъ вторая, еще не вышедшая часть его труда.

Пропонтида и многія другія мѣста ³⁾); подобно этому, Ефоръ ⁴⁾ замѣтилъ, что милетцы заселили Евксинскій Понтъ блестящими городами. Благопріятныя условія, которыми были окружены милетцы на своей родинѣ и которыя уже вкратцѣ упомянуты нами выше, должны были уже очень рано обратить ихъ вниманіе на сѣверныя воды. Первыя хронологически извѣстныя попытки ихъ основать здѣсь прочныя поселенія относятся къ началу VIII вѣка до Р. Хр., но, безъ сомнѣнія, этимъ попыткамъ колонизаціи долженъ былъ предшествовать продолжительный періодъ первоначальнаго ознакомленія съ Понтомъ и поѣздокъ въ него исключительно съ торговыми (а не съ колонизаторскими) цѣлями ⁵⁾. „Всякій внимательно изучившій расположеніе лежавшихъ при Понтѣ колоній, говоритъ Нейманъ ⁶⁾, не будетъ держаться ошибочнаго представленія, что онѣ были на удачу основаны авантюристами, развѣзжавшими безъ опредѣленнаго плана за неизвѣстной еще добычей, на томъ мѣстѣ, куда ихъ прибывали вѣтры и бури; напротивъ, выборъ пунктовъ обнаруживаетъ такое подробное знаніе выгодъ каждой мѣстности, не только въ морскомъ отношеніи, но и по отношенію къ легкости обороны, къ характеру туземцевъ, къ природнымъ средствамъ страны, какое могло быть пріобрѣтено только путемъ болѣе продолжительнаго знакомства, тщательнаго изслѣдованія мѣстности и послѣ многочисленныхъ неудачныхъ попытокъ утвердиться на другихъ, менѣе благопріятно расположенныхъ пунктахъ“. Далѣе Нейманъ справедливо замѣчаетъ, что прежде, чѣмъ рѣшиться основать прочное поселеніе въ томъ или другомъ мѣстѣ, еллинамъ необходимо было основательно изучить выгоды и невыгоды его положенія, удобства гавани, климатическія условія, степень плодородія почвы, условія снабженія мѣстности прѣсною водою, изобиліе или недостатокъ строительнаго матеріала, возможность защиты занятаго мѣста отъ вражескихъ нападешій, дружественное или враждебное расположеніе туземцевъ къ пріѣзжающимъ иностранцамъ, торговыя выгоды и пр., а все это могло быть познано только путемъ опыта и продолжительнаго наблюденія, хотя именно

³⁾ *Страб.* XIV, 1, 6 (р. 635): Πολλά δὲ τῆς πόλεως ἔργα ταύτης, μέγιστον δὲ τὸ πλῆθος τῶν ἀποικιστῶν· τε γὰρ Εὐξείνους πάντας ὑπὸ τούτων συνφίσταται πᾶς καὶ ἡ Προποντις καὶ ἄλλοι κλειοὺς τόποι.

⁴⁾ У *Дем.* XII, 26 (р. 524 с).

⁵⁾ Въ нижеслѣдующемъ изложеніи мы существенно руководимся возвращеніемъ К. Неймана и Вюрхнера.

⁶⁾ *Die Hell. im Skythenl.* стр. 345.

объ этой пажнѣйшей части колонизаціоннаго дѣла, объ его генезисѣ,¹ о томъ, какъ еллины научились вести торговлю на незнакомыхъ берегахъ, исторія совершенно умалчиваетъ. Рынки для торговыхъ сношеній конечно чаще всего устраивались еллинами въ такихъ пунктахъ, которые уже были заселены туземцами, миролюбиво встрѣчавшими чужеземныхъ мореплавателей и охотно обмѣнивавшими произведенія своей страны на привозные товары; постепенно приучивъ туземцевъ ожидать своего пріѣзда съ товарами въ опредѣленные времена, еллины затѣмъ могли учреждать въ такихъ пунктахъ товарные склады и конторы съ жилищами для лицъ, остававшихся для прімотра за ними; нѣкоторыя изъ такихъ факторій быть можетъ первоначально были занимаемы только въ тѣ времена года, когда было возможно мореплаваніе, а зимою были совершенно покидаемы, и лишь впослѣдствіи, когда торговля выгоды даннаго пункта и мирныя отношенія къ окружающимъ его туземцамъ были упрочены, факторіи становились постоянными и вокругъ ихъ, съ постепеннымъ наплывомъ новыхъ поселенцевъ, выросли цѣлые города. Такимъ образомъ однѣ изъ колоній могли представлять собою только расширенныя и еллинизоваванныя поселенія, ранѣе принадлежавшія туземцамъ, другія могли образоваться постепенно изъ маленькихъ факторій или товарныхъ складовъ. Но, само собою разумѣется, нельзя при этомъ принимать вмѣстѣ съ Кеппеномъ²), что милетцы „охотнѣе всего, даже можетъ быть исключительно“ селились тамъ, гдѣ уже ранѣе существовали поселенія. О нѣсколькихъ милетскихъ колоніяхъ, напримѣръ о Трапезунтѣ, Истрѣ, Одиссѣ и др., нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній, чтобы онѣ были основаны на мѣстахъ, уже ранѣе заселенныхъ³). Относительно самой Ольвіи раздѣляемое Кеппеномъ мнѣніе Кангиссера⁴), что „ее слѣдуетъ соб-

¹) *Peter v. Koepen*, *Alterthümer am Nordgestade des Pontus* (Wien 1828) стр. 6 (русскій переводъ *Средн.-Камашева* изд. Обществомъ исторіи и древн. Россійскихъ, Москва 1828). Съ мнѣніемъ Кёппена существенно сходны воззрѣнія *В. Н. Юревича* въ *Зап. Од. Общ. ист. и древн.* т. VIII (1872) стр. 7 сл.

²) *Ср. Бюржера* ук. соч., стр. 43.

³) *P. Fr. Kanngiesser*, *Grundriss d. Alterthumswissenschaft* (Halle 1815) стр. 168: „Wenn Cimrier und Scythen sich am Borysthenes (Dnepr) in den Haaren lagen: so mussten die Einwohner von dem Pontischen *Miletus*, einer alten dort legenden Handelsstadt, auf den Einfall kommen, sich bis zu dem Ausfluss der Donau einstweilen herabzuziehen, um den Gefahren zu entgehen, nicht aber konnten die Einwohner des Asiatischen *Miletus* Lust haben, sich dorthin auf die Beine zu machen. Dieselben Auctoren [d. h. Scymnus und sein Prosaist] melden, *Miletopolis*